
СРАВНИТЕЛЬНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

С. В. ПРОЖОГИНА

МАГРИБИНСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ФРАНКОЯЗЫЧИЕ: ИСТОРИЯ, ПСИХОЛОГИЯ, КУЛЬТУРНАЯ И СОЦИОПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Французская колониальная литература о Магрибе, имея долгую историю, повлияла на процесс формирования литературы самих алжирцев, марокканцев, тунисцев, воспользовавшись французским языком для выражения своего понимания собственной истории и окружающей реальности. Эта литература стала проявлением нового типа культуры магрибинцев, обратившихся к этноконфессиональным, культурным и политическим реалиям, отразивших доминантные проблемы, в том числе и вопрос отношений Востока и Запада, и возможности диалога цивилизаций. Бытописание и социально-критический реализм, авангардная поэзия и романтическое восприятие прошлого в прозе, прогнозы на будущее сопряжены с особо актуальной для современного исторического периода проблемой отрицания политического исламизма, уничтожающего возможность взаимопонимания людей и угрожающего разрушением всех попыток изменить окружающий мир в сторону прогресса.

Ключевые слова: колониальная литература во Франции и в странах Магриба; литературное франкоязычие алжирцев, тунисцев, марокканцев; эволюция, современное состояние художественной литературы на французском языке этнических магрибинцев во Франции и в странах Магриба.

Любовь к Отчизне – это и сознание
своей неотъемлемости от нее,
и неотъемлемое переживание
вместе с ней ее счастливых
и ее несчастных дней.

А. Толстой

Для тех, кто полагает, что франкофония и литературное франкоязычие – это одно и то же, сразу замечу: международные кооперации и сотрудничество говорящих на французском языке граждан таких стран, как Франция, Швейцария, Бельгия, Канада, некоторые африканские и даже азиатские государства, где так или иначе получил распространение французский язык, – это не аналог тому, что называется «*l'expression française*», особенно в сфере художественного творчества. Эта «экспрессия» или «выражение», а в случае с литературой – использование языка для *самоосуществления* и отличает, к примеру, мой предмет – обширный объем литературы стран Магриба (Алжир, Марокко, Тунис) – от просто сферы контакта с Францией и другими франкоговорящими странами.

Хотя, несомненно, культура Франции оказала немалое влияние на современную магрибинскую культуру. Но влияя и даже – в определенную историческую эпоху, колониальную – вытесняя из сферы художественной культуру национальную, она, как это ни парадоксально, способствовала именно закреплению того, что я определяю как «магрибинскость» в сфере литературы и колониальной, и постколониальной эпохи вплоть до настоящего времени.

Самобытность и даже самосущность – магрибинскую – многие писатели и в Алжире, и в Марокко, и в Тунисе на французском языке отстаивали издавна, когда уже стало очевидным, что «колониальная литература» самой Франции, существовавшая еще со времен корсарских набегов на французские корабли, интересовавшиеся северным побережьем Западной Африки начиная с XVII в., а затем уже оформлявшаяся в военных дневниках и разного рода записях и наблюдениях посланцев в страны Магриба (см. об этом подробнее: Lebel 1931; Mettmi 1965; История... 1993), не справлялась с показом истинного лица того мира, который пыталась завоевать Франция. Даже осуществив свой захват Алжира в 1830 г., а спустя десятилетия – также Марокко и Туниса (в 1912 г.), имея уже достаточную необходимость для своих целей ознакомить французов с жизнью североафриканцев Магриба и даже возможностями (с появлением реального колониального общества, в котором смешались и автохтоны, и европейцы), литература французов о Магрибе не стала выразительницей сути всего свершившегося и свершавшегося в недрах собственно магрибинских народов, населявших эту территорию до прихода европейцев.

Почему «суть»? Очевидно, потому, что магрибинская тема или даже проблематика (историко-политическая и культурная), волно-

вавшие французов, оставались в рамках территориального освоения и даже использования этого пространства жизни «туземцев» в целях не только укрепления своего присутствия *здесь* (*présence française*), но и продвижения далее вглубь Африки.

Поэтому и колонизаторы, и колонисты, осваивавшие новые земли, просто не могли не только знать, но и по-своему «оповещать» соотечественников и о природе, и об истории, и о культуре, и о быте, и о религии, и о состоянии социума в «заморских» странах. И писатели Франции, навещавшие Магриб в эпоху ее колониального присутствия, и другие европейцы, уже поселившиеся в Алжире, а потом и в Марокко и Тунисе, а позднее – и те, кто, к примеру, уже родились здесь, чьи предки были из первого и второго поколений «поселенцев» – колонистов, в известном смысле были не просто хорошо знакомы с местными обычаями и нравами и даже понимали языки и наречия коренных жителей, но и по-своему заботились о представлении в своих художественных текстах образов «другой жизни». Часто – экзотизируя ее, а порой и сентиментально, и даже романтически надеясь на возможность своего слияния с жизнью «туземцев», естественно, заботясь об их просвещении, образовании и приобщении к великим традициям *своей* жизни и духовной культуры. Безусловность превосходства европейской цивилизации, несомненность достоинств республиканских ценностей (особенно уже после 50–70-х гг. XIX в.) в произведениях французов и других европейцев очевидно доминирует, хотя и не без исключений. Вспомним короткое, но яркое творчество полурусской, полушвейцарки Изабеллы Эберхардт, вышедшей замуж за алжирца, исповедовавшей идеи «подлинного» братства и истинной свободы и погибшей в Алжире; да и таких «природных» алжирцев, как Ж. Руа, Э. Роблес, Ж. Пеллегри, Г. Одизио, А. Греки, Ж. Сенак и многих других, отстаивавших свободу и независимость своей страны уже в годы, предшествующие антиколониальной борьбе. Таких европейцев было немало и в Марокко, и в Тунисе, где расцвела так называемая «североафриканская школа писателей», последовавшая (и даже углубившая его, вслед алжирскому европейцу Л. Бертрану) лозунгу *особого отличия* литературы на французском языке, развившейся в Магрибе, от литературы собственно французской, «метропольной», своей разности с ней по знанию и близкому соприкосновению с культурой и жизнью Магриба (см.: История... 1993).

Нельзя не отметить, что все эти усилия по самодифференциации не были бесплодными. Пристальное внимание к образу жизни коренных магрибинцев, знание их обычаев и даже основ их религии; понимание проблем их социальной (не говоря уже о политической) неполноценности в условиях фактического господства французской администрации, а порой и сочувствие их стремлениям «оставаться собой», «вырваться в люди», учиться и в школах при мечетях, и одновременно – в «нормальных» французских школах, даже задача «всеобщего» образования – а значит, и для женского пола, понимание проблем случившихся смешанных браков – в основном между европейцами и магрибинками (женщине в мусульманских странах было в принципе запрещено выбирать супруга-неединоверца), – все это, как и многое другое, естественно, отличало «североафриканских французов». К тому же эти писатели создавали свои журналы и альманахи, на страницах которых нередко печатали свои первые стихи и рассказы первые магрибинцы, выходцы из автохтонной интеллигенции, пусть и с немалым трудом, но получившей европейское образование и писавшей по-французски, что само по себе было уже неким проявлением возможного «сотрудничества».

Нельзя не отметить тех блистательных страниц знаний и истории, и культуры, и политики стран Магриба, которые есть в творчестве таких «просто французов», как П. Лоти, А. Додэ, Г. де Мопассан, Г. Флобер, А. Жид, С. Сэн Лорэн (см. подробнее: Ляховская 2015). (Один из них – А. Жид – даже жил подолгу в Алжире, и откровенно обнаженные им некоторые традиции, связанные у арабов еще с аравийских времен с переходами караванов мужчин через пустыни, живы и по сей день и привлекают особых любителей магрибинской старины.)

Однако тяга «североафриканских французов» к общему «средиземноморью» (А. Камю, к примеру) и связанность магрибинцев во многом общей с французами «латинской историей», и даже стремление Л. Бертрана доказать «берберскую сущность» Магриба, использовать извечное свободолюбие горцев как доказательство их «неподлежания» арабам, пришедшим их завоевать и подчинить своей религии, как и многие другие «объединяющие» французов и магрибинцев начала, лишь послужили прямо противоположной цели для новых писателей Магриба.

Видимо, «магрибинство» именно в колониальную эпоху (и неважно, на какой стадии *зависимости* от Франции находились Алжир – как «департамент Франции», Марокко и Тунис – как «протектораты») как осознание своей идентичности, самосущности, можно сказать, было не столько политическим (достижение независимости) или даже социокультурным процессом доказательства своей *самосущности*, сколько глубоко психологическим, выразившимся в постепенном созревании именно национального самосознания как основы для давно – особенно в Алжире – желанной свободы. И она проявлялась не только в постоянных вспышках антиколониального движения или в упорной схватке с колонизаторами (как, к примеру, исторически долгое сопротивление алжирских племен с 1830 г.), но в той части общественного сознания, которое в художественном творчестве магрибинцев стало изначальной защитой даже собственного *бытописания*, которое как художественно-стилистический прием было свойственно до этого именно только колониальной литературе французов в Магрибе во всем ее объеме. **Школа** была прекрасной, иначе не скажешь. Но результат был обратен процессу освоения и присвоения Магриба французами. Как глубоко ни проникли они в суть «магрибинства», последнее обрело свою суть в книгах именно тех писателей, кого теперь можно назвать корифеями национальной литературы стран Магриба (Прожогина 1968; 1973; 2007)¹.

Даже такие родившиеся в Алжире крупные писатели, как А. Камю (в отличие от А. Греки и Ж. Сенака), не стали алжирцами в той мере, в какой была необходима глубина осознания своей не просто *неразрывной* связи со страной, где родился или навек остался, – эта связь будет всегда так или иначе ощущаться в жизни и творчестве тех, кто покинул Алжир в эпоху завоевания им независимости², – но именно естественного подлечения ему как *своему Отечеству*. Хотя, пожалуй, лучше, чем А. Камю, никто не воспел и красоту Алжира, и власть «средиземноморских стихий» над человеком, никто, как он, откровенно не сказал, насколько «чуждо» или «посторонне» было ему, французу, само присутствие «арабов» на той земле, которая стала и его «царствием», и его «изгнанием»

¹ О творчестве М. Дибя подробнее см.: (Прожогина 2020б).

² Имеются в виду М. Диб, М. Хаддад, А. Мемми; об их жизни и творчестве подробнее см.: (Она же 1992; 2016; 2020б).

(«Exil et Royaume»). В его всемирно известных романах – и в «Постороннем», и в «Чуме» – араб либо «затмевает» любимое солнце (а потому подлежит убиению), либо отсутствует вообще – даже среди обреченных на вечное противостояние всеторжествующему Злу... И А. Камю, покинув *отчизну*, честно заявил, что предпочел «духовную мать» – Францию в тот момент, когда выбор должен был свершиться³.

Речь шла о завоевании свободы для колонизованных. Он не просто был против *войны* (как, скажем, ставший корифеем новой национальной литературы Алжира Мулуд Фераун родом из Кабилии), но точно знал, что с Алжиром *далее* ему не по пути.

Француженка Анна Греки прошла этот путь, как и Жан Сенак. А «просто алжирцы» – Д. Дебеш, М. Фераун, М. Маммери, М. Уари, К. Ясин, М. Диб, М. Хаддад, К. М'Хамсаджи, А. Джебар, Р. Буджедра, Р. Мимунни и многие другие – встали на путь борьбы за свободу, каждый по-своему. Один, М. Диб, даже в изгнании (колонизаторами) до конца своих дней будет мечтать о ней или сражаться за нее своим творчеством. Другой еще юношей уйдет к партизанам в горы, как Р. Буджедра, а потом будет всю свою жизнь продолжать сражаться за нее, свободу, даже в эпоху независимости.

Третьи, как К. М'Хамсаджи или М. Бурбун, как и многие другие прозаики и поэты, запечатлеют сам смысл, жестокость и трагизм неравного боя алжирцев с колониальной армией. Поэты воспоют само ощущение надежды человека на освобождение, а другие будут тщательно и честно запечатлевать образ жизни и мыслей своего народа, надолго утратившего право распоряжаться сокровищами своей земли, попавшего в зависимость от чужеземцев, однако трепетно и горделиво оберегавшего свои обычаи жизни, даже если они были непонятными (кровная месть, к примеру) или не «соответствовали» современности (см. творчество М. Уари, Д. Дебеш, М. Ферауна и др.)⁴

В Марокко, наоборот, как и в Тунисе, даже первые ласточки новой национальной литературы боролись со многими анахронизмами традиций, а их было немало в разноэтнических и разнокон-

³ Об А. Камю рекомендую исследование на русском языке: (Великовский 1973).

⁴ См. подробнее об их творчестве: (Прожегина 2004); о Р. Буджедре: (Она же 2014).

фессиональных обществах. И освобождение своих стран кануна независимости писатели видели только при условии избавления от «засилья старых догм» и «прощания с прошлым» во всех смыслах – не только от зависимости колониальной, но и от собственных внутренних устоев социальной и политической жизни (власти монархии, к примеру, как в Марокко, или даже просто угрозы военной диктатуры, как в Тунисе), которые не смогут быть основой *духовного раскрепощения и просвещения народа*. И писатели нередко искали возможность жизни на Западе, таком, каким они его представляли себе по лозунгу «Свободы, Равенства и Братства»... Имена Д. Шрайби, А. Мемми и дальнейшей плеяды их последователей и в Марокко, и в Тунисе бесчисленны (см. о них подробнее в наших работах: Прожогина 2007; 2020а). Среди них есть всемирно известные и сегодня: недавно издано собрание сочинений марокканца Т. Бенджеллуна, лауреата Гонкуровской премии, который не устает свидетельствовать *«об ослепительном отсутствии света»* в родном и очень солнечном краю – Марокко...

Да, многие магрибинцы предпочли жить в особого рода эмиграции, если не в прямой – «политической», как, к примеру, алжирец М. Диб или тунисец Т. Бекри, то в косвенной, – постоянно имели возможность возвращаться на родину (А. Джебар, Т. Бенджеллун, к примеру). Другие, несмотря на все вызовы и угрозы современной реальности в Магрибе, живут или жили только в своих странах (такие как марокканцы М. Катиби, М. Хайреддин, М. Ниссабури, А. Заглюль, М. А. Лахбаби, алжирцы Р. Буджедра, Р. Мимуни⁵, Б. Сансаль, Я. Хадра и многие другие). У всех – свои причины, где и как выбирать свою свободу. Но если в истории осталось главное – она была отвоевана народом у колониализма, то в литературе Магриба свершилась и эпоха рождения, развития и постоянной эволюции того нового типа общественного сознания, который запечатлен в текстах художественной словесности арабских и берберских стран Магриба в литературе на французском языке как функция его колониальной истории. Да, язык был «чужой». Но, как сказал «абсолютный алжирец», создатель «Неджмы» – бессмертного романа о судьбе и предназначении своей многострадальной родины – Катеб Ясин (о его творчестве см.: Джугашвили 1973; Никифорова 1977; История... 1993, том «Алжир»; Прожогина 2007), этот язык стал для писателей по-своему «оружием, вырванным из рук врага».

⁵ О творчестве Р. Мимуни подробнее см. нашу работу: (Прожогина 2017).

Не для всех, конечно, это оружие было спасительным. И если сам Катеб Ясин изначально примирился с этим способом самовыражения, несмотря на трудности своей судьбы (он, истинный патриот своей страны, тоже оказался в изгнании), и даже «сформулировал» на «чужом» языке в канун независимости «завет предков» (пьеса «Предки усиливают жестокость») – всегда сражаться за свободу своей земли, знать свой древний «символ Воли» (Орел), бороться до последних сил, избавляясь от нашествий «чужеземцев», – то его современник и соотечественник, великий романтик и поэт, тоже мечтавший о свободе, М. Хаддад пережил особую психологическую драму. Выбор французского языка он посчитал в конечном счете «предательством» культуры *своего народа*, хотя и создал в годы борьбы Алжира за независимость именно на французском и свои лирические романы, и свою патриотическую поэзию.

М. Хаддад, находясь уже во Франции, в своем «добровольном изгнании», спасаясь от «войны миров» (каждый из которых был ему дорог по-своему), вдруг понял, что надо вернуться туда, где его родина («Мое Несчастье», как он ее называл). Она была в опасности. Ведь там воспетая им свобода, как вольная газель, может оказаться в губительных песках «пустыни» войны, и никакие «уроки жизни» не спасут человека от необходимости быть в «решительный миг» со своим народом. Ощущая, что «извечный холод» приюта на Западе губителен, а на родине идет сражение за жизнь его народа, М. Хаддад пишет свое эссе «Нули вращаются вхолостую», где выражает особое понимание и роли «чужого языка», и роли арабского языка в Алжире как «единственного языка национальной культуры» (Haddad 1961; Прожогина 2008; 2021; о творчестве М. Хаддада в целом см.: Джугашвили 1973; Прожогина 1980; 1992).

Оказавшись в своем реальном культурном «порубежье» – чисто психологически – перед выбором своей принадлежности к «той или другой» стороне, обе из которых «вскормили» его и как человека, и как художника, писатель предпочел **замолчать**, прервав свое творчество в самом его расцвете. И вскоре умер, хотя и остался в памяти многих своих соотечественников и читателей разных стран одним из самых ярких явлений новой литературы Алжира, рожденной особой эпохой. Как и М. Фераун, просто убитый французами перед самым окончанием национально-освободительной борьбы (1962 г.).

Другие продолжали писать. И те, кто начинал в Алжире, в Марокко, в Тунисе, и «бытописатели» (как марокканец А. Сефриуйи), и «социальные реалисты» (как Д. Шрайби, М. Диб, А. Мемми и многие другие), и даже яростные идеологические и политические «протестанты», несогласные и с «засильем традиций», и с новыми порядками, воцарившимися после завоевания свободы, – как марокканцы М. Хайреддин, Т. Бенджеллун или алжирец Р. Буджедра (о творчестве этих писателей см. подробнее в наших книгах: Прожогина 1980; 2014; 2015; 2017). Последний даже до сих пор «параллельно» переводит свои романы на арабский, хотя и осознает, что франкофонная аудитория шире. Но живя в *своей* стране, Р. Буджедра осмеливается спорить с такими мэтрами новой арабской словесности в Алжире, как Т. Ваттар и Б. Хеддуга...

Туниска Х. Джелила, тоже пережив тяжелый кризис осознания того, что свобода, которой все так страстно желали на родине, в общем-то, не сбылась, и желанная «эмансипация» оказалась для нее просто «извечной тоской по возлюбленному». Увидев только «пепел на заре» новой жизни, она стала просто работать, посвятив себя просвещению и порой «берясь за перо» – описывать красоты своей родины или вспоминать факты ее «трудной и славной Истории» (Djelila 1975; Прожогина 2020a).

Упорно до конца своих дней корифеи-магрибинцы М. Диб (1920–2003) и А. Мемми (1920–2020) писали по-французски и часто размышляли и о судьбах своих стран, и о судьбах мира, философствовали о счастье и несчастье человека, вынужденного жить «между Востоком и Западом». Но чаще всего сражались за свободу и справедливость и там, и там (см. о них в нашей книге с подробной библиографией: Прожогина 2021). Младшая соотечественница и соратница М. Диба Ассия Джебар, вступившая совсем юной на поприще новой алжирской словесности в годы национально-освободительного движения в стране, в отличие от первого, поведала не столько о жизни алжирского народа (как это сделал М. Диб в своей трилогии «Алжир», 1953–1956), сколько о той его особой части, женской, уже знавшей, что такое образование, эмансипация, свобода личности, по-своему тоже жаждавшей (ее первый роман так и назывался – «Жажда», 1954) истинного права – распоряжаться своей женской судьбой, иметь свободу выбора любимого, семьи и той традиции жизни, которая могла бы обеспечить ей простое человеческое счастье. Ее героини постепенно осознают и другой свой долг, и другую предназначенность – бороться за освобождение

ние всех соотечественников, даже уйдут в партизанки и станут солдатами армии, борющейся за независимость. А некоторые поймут со временем и проанализируют итоги, реально обретенную действительность, разочаруются, но не изменят своим «наивным идеалам». А. Джебар станет известной писательницей, добьется невероятного для алжирки успеха во Франции, ее изберут и во Французскую академию, и в Бельгийскую академию словесности; она будет с успехом читать свои лекции в Канаде (франкофония – повсюду), однако свое литературное франкоязычие посвятит только своей стране и будет до конца дней (2015 г.) без усталости свидетельствовать об Алжире, и первая расскажет о том, во что превращают страну рвущиеся к власти исламские радикалисты. Ее книги конца 1990-х гг. «Оран, мертвый язык», «Белый саван Алжира», «О, как просторна тюрьма!» и др. – глубоко психологические, но одновременно и документально-художественные свидетельства о жизни страны на исходе XX – в начале XXI в.⁶

Очевидно, что и без этого имени новая алжирская культура, несмотря на активную в стране с 1974 г. политику арабизации и сегодняшний тренд в сторону изучения в школах «только английского», никогда не обойдется, говоря о своей истории и своих достижениях.

И если уж следовать за яркими вспышками имен франкоязычных магрибинок, то нельзя не отметить и ту, что весьма неожиданно именно для Марокко заговорила на исходе XX в., а потом и прославилась своими смелыми книгами: Малика Уфкир – дочь расстрелянного генерала, заподозренного королем Хасаном II в попытке антигосударственного переворота. Его семья провела на каторге восемнадцать лет, выбралась на свободу из жуткого подземелья и еще через пять лет сумела перебраться на Запад. В родной стране уже при новом монархе писательница не увидела никаких признаков перемен, не обрела нового, а о старом и минувшем вспомнила в своих почти документальных повествованиях «Узница» и «Посторонняя», с успехом изданных во многих странах и даже, что удивительно, не запрещенных в Марокко, несмотря на правдивость описаний нечеловеческих условий жизни на каторге и всех абсолютно невыдуманных подробностей жизни королевского дворца (она была приемной дочерью Мохаммеда V и оставалась во

⁶ Об Ассии Джебар, ее жизни и творчестве, см. подробнее в наших работах: (Прожогина 2004; 2007; 2020а).

дворце Хасана II до 15 лет). Ее культура была и придворно-арабской (со всеми лингвистическими и этикетно необходимыми формальностями), и той, которую привили строгая европейская гувернантка и прекрасная французская школа... М. Уфкир, перебравшись во Францию, не осталась и там, не увидев никаких особых перемен и никакой особой свободы. Она работала в Америке (до недавнего времени с успехом снимали фильмы по ее книгам), потом уехала в Канаду. На родине осталась только ее память о прошлом, где не было будущего⁷.

Об этой же каторге, что запечатлена в ее книге «Узница» (1996 г.), в 2001 г. расскажет и всемирно известный марокканец Т. Бенджеллун, о котором речь шла выше.

Но с «ослепляющим отсутствием света» в солнечных странах Магриба будут по-своему сражаться, разрушая «мрак сгустившихся сумерек» (в постколониальную эпоху и в наши дни) своим оружием и другие франкоязычные писатели-магрибинцы, каждый по-своему, но все – или упорно разоблачая мракобесие террористов, якобы свершающих «свою месть» от имени Аллаха, или неустанно отыскивая свои оазисы «в песках пустыни» – и на Востоке, и на Западе. Один из них – давно живущий во Франции тунисец Т. Бекри, в 1970-е гг. посаженный на родине в тюрьму за участие в студенческой демонстрации против засилья диктатуры. Вернувшись на свободу, поэт уехал в политэмиграцию на Запад, обрел себя в Париже, издав там уже многочисленные сборники стихов, защитив диссертацию о творчестве алжирца М. Хаддада, а потом и став преподавателем истории арабской литературы в Университете Нантера. Сегодня он – лауреат многочисленных литературных премий, одна из которых, 2019 г., называется особо – «За озарение французского языка». Литературное франкоязычие не мешает поэту выступать и в странах Ближнего Востока, когда он читает собственные переводы своей поэзии на арабский. В его творчестве никогда не иссякал мотив любви к своей родине, где он теперь – почетный профессор Университета Туниса, где о нем пишут многочисленные исследования. Он часто навещает родной Габес, что расположен на окраине Сахары, где живут его брат и родственники. А возвращаясь к семье (в которой жена – бретонка, художница),

⁷ О судьбе и художественном творчестве М. Уфкир см. подробнее в нашей работе: (Прожогина 2020а); там же – фрагмент перевода ее повести «Etrangère».

пишет книги, исполненные тоски по своему родному Оазису, который мечтает увидеть не как мираж, рождаемый в «туманном и пустынном холоде» Запада, а как *реальное видение*, как сбывшуюся мечту о свободе отчизны, оставив «осколки сердца в океане странствий»⁸. А совсем недавно стал заниматься популяризацией творчества А. С. Пушкина в Тунисе...

Свой оазис в мечтах и размышлениях лелеет и маститый прозаик-алжирец М. Молессеуль (псевдоним – Ясмина Хадра). Он вовсе не романтик, скорее, реалист, вполне отважный офицер немалого чина, окончивший военную академию в России, но добровольно покинувший ряды Армии национального освобождения Алжира ради возможности писать правду о том, что происходит в мире. Он стал известен повсюду, в том числе и у нас, с конца 80–90-х гг. как автор увлекательных детективов, хотя и написанных вовсе не для развлечения, а лишь для вовлечения читателя в разгул политических страстей, бушующих в Алжире, Афганистане, Палестине и других странах. Он даже успел поработать в разгар своей славы в 1990-е – начале 2000-х гг. в Париже, заведя Алжирским культурным центром. Однако, вернувшись на родину, поселившись там окончательно, стал писать только о ней, о ее колониальной истории, о – почти автобиографическом – участии в молодости в национально-освободительной войне, но главное – о том, что *войны* как таковой *могло бы и не быть*⁹, если бы *разные* народы поняли бы и полюбили друг друга... А недавно опубликовал роман-дневник о своем детстве на краю пустыни, в цветущем оазисе, где главным для школьника (образование в Алжире проникло и в провинции страны) было посещение библиотеки, где он обретал знание о мире и о людях, его населяющих...

Читал он, естественно, по-французски, хотя и боготворил своих говорящих только по-берберски «предков»... Оазис свой он запечатлел в своей памяти и на фото, которые остались при писателе и которые он свято хранил. Теперь это можно увидеть всем – издана его мечта о царстве свободы прекрасно, и название книги можно перевести по-русски как «Что должен мираж оазису...»

⁸ На русском языке см.: (Текри 2002), а также наши многочисленные публикации в журнале «Азия и Африка сегодня» с 2003 по 2020 г.; Wikipedia и многочисленные публикации о поэте в «Ученых записках» Университета Туниса; о его жизни – в нашей работе (Прожогина 2021).

⁹ Об этом периоде его творчества см. нашу работу: (Прожогина 2011).

Да, пока еще и в сегодняшнем Алжире – смутное время, бушуют политические страсти и все еще не сбылись идеалы того освобождения, о котором мечтали пламенные борцы за независимость в эпоху национально-освободительного движения. В Алжире – как и повсюду в Магрибе – многое в современной реальности не радует ни народ, ни писателей. Последние – если особенно смелые, как Ясмина Хадра (писатель не случайно взял себе в качестве псевдонима имя своей жены), продолжают надеяться и даже приближать перемены к *лучшему* или просто, как преподающий философию в Алжирском университете Р. Буджедра, упорно разоблачать изъяны настоящего времени...

А женщины-писательницы, магрибинки, даже если обращаются к тому, как преодолевались оковы прошлого, как люди переходили пустыню в поисках открытых горизонтов, как устремляли свой взор к будущему, в котором не будет гнета старых догм и запретов на свободу для женщин, продолжают работать и писать свои книги, повествуя о трудном переходе через зыбучие пески времен... Одна из таких отважных – Малика Моккедем. Она очень похожа в чем-то на своего «прямого» соотечественника М. Молессеуля (Ясмину Хадру) – «этнического» своего соседа: она тоже с юга, с темноватой кожей, и тоже берберка. Однако писателей роднит не их особое алжирство, но их мечта об оазисе. И если для Ясины Хадры он олицетворяется в обретении знания и мечты о свободе, то для М. Моккедем – в ее постоянной борьбе за жизнь. Не только потому, что она, врач по профессии, лечит теперь североафриканцев на юге Франции, таких же, как и она – из иммигрантской среды, но и потому, что неустанно следует своему Пути, пусть и через пустыню утрат, но в своих романах всегда – на встречу со свободой¹⁰...

Я не случайно упомянула, что алжирка М. Моккедем – врач по профессии. Социология современных стран Магриба резко изменилась: теперь женщина-мусульманка – и врач, и адвокат, и архитектор, и дизайнер, и диктор, и актриса в кино. Повсюду. И среди них немало писательниц, совмещающих обе профессии. Они нередко предпочитают писать по-французски, рассказывая о сокровенном не столько для «своих» писателей-соотечественников, сколько для тех, кто незнаком или мало знаком с местными

¹⁰ О творчестве М. Моккедем и ее соотечественниц-алжирок см. подробнее в: (Прожогина 2020а).

обычаями и традициями жизни, так или иначе остающихся не просто «фоном» или «контекстом» их современной жизни, но порой и диктатом, а иногда и целью достижения их идеалов: современное образование иногда не только дает свободу выбора линии жизни, но и подтверждает необходимость ее «извечных опор» – семейных ценностей и уважения к традициям родителей¹¹.

Но социальный лифт так или иначе задействован и в среде собственно магрибинской, и в среде магрибинских иммигрантов на Западе, где не только много отверженных республиканским обществом Франции, к примеру, но немало этнических магрибинцев в системах образования, городского управления, медицины, театра, кино, не говоря о спорте... А литературное «поле» во Франции активно начиная с 80-х гг. XX в., удобрено и вспахано за счет многочисленных литературных произведений франкоязычных магрибинцев, выходцев из второго и третьего поколений североафриканских иммигрантов. Но это – особый разговор, и литература так называемых «бёров» – во Франции явление совершенно неоднородное, специфическое (см.: Прожогина 2001; 2002), однако, как и в случае с обычной и давно уже – с начала XX столетия и по сей день – постоянно пополняющейся литературой магрибинских эмигрантов, отличающееся очевидной именно «магрибинской» доминантой даже во взгляде на окружающую их привычную с детства для детей из семей иммигрантов, часто рожденных здесь, среду, общество, нравы, политику и культуру.

А в литературе эмигрантов, прибегающих к французскому языку как к необходимой форме выражения (*expression*), так же как и сознательно избранному для активного способа коммуникации с остальным миром самими магрибинцами в своих странах, эта доминанта так же естественна, как и «зов отрезанных корней»¹².

Но если вернуться к профессии, то широко известный сегодня алжирец Б. Сансаль – активно работающий в Алжире физик – лауреат *Grand prix littéraire* за свой роман «Деревня немца» (2008 г.), в котором он сравнил исламский фундаментализм с нацизмом вре-

¹¹ См., например, повесть Ясины Шами «Церемония» (1999), фрагмент которой опубликован в нашей книге (Прожогина 2020а).

¹² Образное выражение марокканца Т. Бенджеллуна, знаменитого писателя и социопсихолога по совместительству. Например, в его повести «Одинокое заключение» – «*La réclusion solitaire*», где даже на обложке писатель показал, что «корни» – это нечто неотъемлемое от всей человеческой жизни (Прожогина 2015).

мен Гитлера. Возможно, что именно наука помогла ему создать удивительные по своей глубине проникновения в современные процессы, происходящие в религиозном сознании мусульман, и даже предвидеть то, что станет и с Востоком, и с Западом, если восторжествуют исламский фундаментализм и связанные с ними акты агрессии и террора. Его романы-утопии последних лет – «2084», «Поезд в Эрлингген, или метаморфозы Бога», – и предупреждение, и весьма показательный анализ *реалий*, нашедших воплощение в художественной форме (подробнее об этих произведениях см.: Прожогина 2021).

Это только подтверждает мой изначальный тезис о том, что в литературном франкоязычии магрибинцев – сгусток истории, политики, социологии и психологии того мира, где одна эпоха сменилась другой безвозвратно, хотя еще видны и следы прошлого, и существует надежда на будущее, где нет войны.

Разноликие, но похожие магрибинские франкоязычные писатели, видимо, особо чувствуют боль близкой им *современности*. И Восток, и Запад, и Южное Средиземноморье, и северо-западная оконечность Африки, слившись воедино в этом неоднородном географическом пространстве, стали естественными источниками исторически-культурного порубежья, в котором есть особое психологическое ощущение одного важного нравственного запрета, продиктованного историко-политическим опытом. Нельзя перейти через границу гуманизма во имя простой гармонии человеческих взаимоотношений, где «свое» и «чужое» часто менялись местами, и преодолевая, и отталкивая, и дополняя друг друга.

Литература

Великовский, С. 1973. *Грани «несчастливого» сознания*. М.

Джугашвили, Г. Я. 1973. *Алжирский франкоязычный роман*. М.

История национальных литератур стран Магриба: Алжир, Марокко, Тунис: в 3 кн. / под общ. ред. С. В. Прожогиной. 1993. М.: Наука, Вост. лит-ра.

Ляховская, Н. Д. 2015. *Образы Африки во французской литературе*. М.: ИМЛИ РАН.

Никифорова, И. Д. 1977. *Африканский роман. Генезис и проблемы типологии*. М.: Наука.

Прожогина, С. В.

1968. *Современные литературы Марокко и Туниса*. М.: Высшая школа.

1973. *Современная литература Алжира*. М.
1980. *Магриб: франкоязычные писатели 60–70 гг.* М.
1992. *Для берегов Отчизны дальней...: («Изгнанничество» и лит. североафриканцев на Западе)*. М.: Наука, Вост. лит-ра.
2001. *Иммигрантские истории*. М.
2002. *Восток на Западе*. М.
2004. *Любовь земная*. М.: ИВ РАН.
2007. *Магрибинский роман*. М.: ИВ РАН.
2008. «Блеск и нищета» культурной «порубежности» (литературное франкоязычие арабского мира). В: Мосейко, А. Н., Следзевский, И. В. (ред.), *Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование*. М.: URSS, с. 222–235.
2011. *В поисках настоящего времени*. М.
2014. *Алжирская сюита*. М.: ИВ РАН.
2015. *Марокканский ноктюрн*. М.
2016. *Тунисская элегия*. М.
2017. *Смятение*. М.
- 2020а. *Магрибинки рассказывают...* М.
- 2020б. *Обречение Авеля*. М.
2021. *Время не жить и время не умирать*. М.
- Текри, Т.** 2002. *Антология поэзии* / сост. О. Власова, С. Прожогина. М.: ИВ РАН.
- Haddad, M.** 1961. *Les zéros tournent en ronde*. Paris.
- Djelila, H.** 1975. *Cendre a l'aube*. Paris.
- Lebel, L.** 1931. *Historie de la littérature coloniale en France*. Paris.
- Memmi, A.** 1965. *Anthologie des écrivains français au Maghreb*. Paris.